

Москва 2011

Владимир Меншуткин
Как невозможно жили мы

«Товарищество научных изданий КМК»

2011

Меншуткин В. В.

Как невозможно жили мы / В. В. Меншуткин — «Товарищество научных изданий КМК», 2011

ISBN 978-5-87317-725-7

Повесть, не придумана. Автора с его домыслами нет. Просто в руки составителя попал очень полный семейный архив: письма, дневники, рисунки, фотографии. Оставалось только их скомпоновать, перепечатать, перерисовать. Первые пять глав – это дневники того, кто назван Николаем Кузьмичом, и письма того, кто назван Юрием Аркадьевичем. Это как бы диалог двух героев. Биолог и физик. Между ними нет противопоставления; это люди, примерно одного мировоззрения, два друга, способные любить семью, детей. Повествование тянется день за днём, месяц за месяцем, изобилуя подробностями семейной жизни. Следующие главы более динамичны. Кульминации повествования – моменты ухода героев в иной мир. Драматизм сообщает «Повести» сама историческая канва: война 1941–1945 годов и блокада Ленинграда, трудные послевоенные годы. Благодаря своей документальности «Повесть» является историческим свидетельством об этой, хотя и недавней, но уже трудно понимаемой современным человеком, эпохе. Для широкого круга читателей, особенно петербуржцев и киевлян.

© Меншуткин В. В., 2011

ISBN 978-5-87317-725-7

© Товарищество научных изданий
КМК, 2011

Содержание

Глава первая	5
1.01. Объявление войны	5
1.02. Домик в Шапках	7
1.03. В Киеве на Владимирской	12
Глава 2. Повестки	14
2.01. Повестки Николаю	14
2.02. Юрина бронь	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Как невозможно жили мы

И вышел конь рыжий; сидящему на нём дано взять мир от земли, чтобы убивали друг друга.

Апокалипсис, 6: 4

Св. праведный Иоанн Кронштадтский поясняет, что открытая широкая борьба за ниспровержение вековечных, установленных Богом устоев гражданского общества началась в Европе с Ренессансом и Реформацией Церкви. А со времён французской революции 1789 года и походов Наполеона мира нет. Мир обратился в вооруженное перемирие. Воинствующий задор – это знамение последних времён перед концом вселенной.

Глава первая

1.01. Объявление войны

22 июня 1941 года было воскресенье. Для Юрия Аркадьевича Болдырева это означало, что охотничий сезон уже закрыт. Но зато скользят на Взморье, в Финском заливе в перламутровой дымке белых ночей, когда вода неотличима от неба, и вселенная кажется необъятной, яхты. Вдруг из этой дымки всплывает багровое солнце – «ЯКО ИСПОЛИН, ПОДЫМАЮЩИЙСЯ

НА СВОЙ ДНЕВНОЙ ПУТЬ». Небо и вода синеют. Все становится резким искристым, сияющим.

Этот выходной был удачным. И ялик, и Эрг, любимый ирландский сеттер, и Женя – все «слушались руля» – и всем было хорошо.

«Весёлый ветер». Проветрил голову, – думал Юрий Аркадьевич. – Как это здорово после электронно-вакуумной лаборатории на «Светлане», где приходится проводить минимум по 10 часов в день. Один выходной, и то не каждую неделю.

Вот они уже стоят на трамвайной остановке. А за спиной ещё паруса-крылья, и ветер всё ещё наполняет и уши, и грудь. Так легко дышится.

Но почему люди толпятся около уличного громкоговорителя? На репортаж о футбольном матче не похоже.

Объявлена война!

Не может быть! – Это первая мысль. Вторая: Неужели больше не ходить на яхте?! А как же осенняя охота? – Какая чушь в голову лезет!

Вот вам и хваленый пакт о ненападении между СССР и Германией. Раздел Польши... дипломатия Молотова – Рибентропа...

Война – это мобилизация. Как с моими документами? Завтра же пойти в отдел кадров и узнать. Вообще-то «Светлана» – завод оборонный. Но это – завтра. Сегодня об этом не надо думать. Главное – спокойствие. Всё образуется.

Вчера вечером все наши физики праздновали присуждение Н.Н. Семенову Сталинской премии. Был банкет. Оказывается, Зельдович и Харитон продолжают вести расчёты ядерных реакций. Колоссальное количество энергии выделяется в некоторых случаях, должно выделяться. Они фантазируют, как бы эту энергию использовать.

Никак не предполагал, что Курчатов оставит физику твёрдого тела и займется отраслью, близкой к моим интересам. Его работы по сегнетоэлектрикам, видимо, очень изящны и красивы. Именно здесь должно открыться что-то очень важное.

Да, война. Сестра Катеринка – надо же – всегда говорила: «Если у меня родится ребёнок, то будет война». Шутки шутками, а напорочила. У неё чутьё. Не просто женская интуиция, а ясновиденье. Война в Европе как раз и идёт с 1938 года, как родилась Маша. Теперь и у нас...

Их семья, наверное, вся в Шапках. Николай приезжает к ним с субботы на воскресенье и привозит заказанное Катей и бабушкой. Теперь-то, ночью в воскресенье он уже вернулся, да звонить уже поздно.

1.02. Домик в Шапках

Свой домик посреди соснового леса Петровские начали строить зимой 1938/39 годов. Первый раз Николай с отцом с трудом разыскали участок, взятый под застройку, – всё занесено снегом. Ездили за стройматериалом. Купили свежие смолистые бревна для сруба. Покупали сараи – «на снос» – для досок. Весной начали строительство. Копать ямы под фундамент, рубить сруб, ставить стропила, настилать полы и крышу, конечно, нанимали рабочих. А рамы, двери, перегородки – это всё своими руками. Косма Павлович – не только плотник, но и столяр отличный. Зиму 1940/1941 годов Косма Павлович и Анна Максимилиановна уже прожили в своём новом доме в Шапках. После ареста и Темниковских лагерей протоиерею Косме Павловичу уже не служить. Быть обузой сыну тоже не хочется. Дедушка выпиливал лобзиком из фанеры детские игрушки и укреплял их на подставках. Бабушка раскрашивала их масляными красками. Детские очаги¹ охотно покупали эти «наглядные пособия» для работы с детьми. Промышленность ведь выпускала очень немного игрушек, и всего несколько неинтересных образцов. А у бабушки чего только нет! И куры, и гуси, и берёзы, и ёлки, и дубы, и коровы, и лошади, и дедка – за репку, и теремок со всеми его обитателями, и заячий оркестр...

Екатерина Аркадьевна в Шапках не разрешает ничего трогать, ни одной сосенки:
– Вереска бы не затоптать! Ходите только по тропинкам.

Под самыми окнами Николай Кузьмич посадил два куста сирени, а под огород раскопали совсем небольшой участок земли, всего несколько грядок с морковью и другой зеленью. Всё остальное – нетронутый лес. Осенью собираем грибы. Катя категорически не желает, чтобы дача выглядела как мещанское хозяйство.

Анна Максимилиановна всё же завела кур. И Кате пришлось смириться: ребёнок получает свежайшие яйца от «своих» курочек. Да и удобрение прекрасное. На песке с этим удобрением так разрослись и львиный зев, и душистый табак.

¹ Очаг – так тогда было принято называть детский садик.

Маленькой Маше скоро три годика, но она не любит бегать и резвиться. То ли дело сидеть часами у деда на коленях и смотреть, что он мастерит. А если дед пилит дрова или строгаёт доски, то приходится сидеть там, где дедушка посадит. Это уже не так интересно. А руки у дедушки большие, спокойные, надёжные.

– Мы и в будку к Полкану с дедушкой ходили. Полкан выше меня, а нисколько не страшно.

А дедушка твердит: «Бубик, скажи “рама”».

– Ама.

– Да не «ама», а «рррама»!

– Ама.

– Скажи «рррыба».

– Ыба.

– Оставь её в покое, – вмешивается Анна Максимилиановна Она ещё маленькая, научится со временем.

Бог даст – вырастет, – думает Косма Павлович. – Единственная внучка. Все ждали мальчика. Николай с Катей поздно поженились, уже не молодые. Катя хотела мальчика и обязательно Никиту! Ну как ей скажешь, что не по нашей это воле. И вообще имя-то бы давать – в какой день родится. Вот я – 1 ноября по церковному – «Косма и Дамиан – бессребреники». Так никогда денег не имел, еле крутились. И Анята – на Анну Кашинскую родилась. Да и в их семье, Катин брат, Юрий Аркадьевич на Георгия Победоносца родился, так и называли. Нечего придумывать.

А Бубика Катя решила назвать так же, как её покойную мать, Марию Михайловну, Царствие ей Небесное, – Марией. И чтобы именины праздновать, как у той они всегда праздновали, 8/21 сентября, на Рождество Пресвятая Богородицы.

Что главное? – Чтобы был мир в семье. Катя и так как оголённый провод. Над Бубиком дрожит и днём, и ночью. Нелегко ей ребёнок достался. Первого своего она потеряла. Поехала с Колей в экспедицию на Кавказ. А там передвижение на лошадях – она и рада. Она же наездница, выросла с конями, без седла может скакать. Но то было в девушках, а теперь оказалось, что она в положении. Вот и горе. Запретили ей врачи иметь второго ребёнка. Она сказала: «ноги моей в вашей консультации не будет». И родила, хотя роды были тяжёлые. Уж как я молился за неё.

Будет ли у них ещё ребёнок? Хотелось бы всё-таки мальчика. Наследник фамилии, продолжатель рода. Какое у нас фамильное дерево богатое! А оскудевает. Но мой дед диакон Алексей Фомич, бывало, соберёт нас, внучков и приговаривает: «Растите, учитесь. Род наш ещё процветёт. Такое предсказание есть. В нашем роду был священник Кирилл.

Он за веру был умучен. Униаты его калёным железом пытали. Так вот запомните: его молитвами наш род процветёт и прославится. А вы учитесь, выходите в люди».

Анюте невестка сначала не нравилась: «Николаю не такая жена нужна. Не артистка, а научный работник». Да мало ли что там, в Киеве Катя в балете выступала. Сейчас в Питере никакой речи о сцене нет. Начала было учиться в Университете, но как Маше родиться, всю учёбу бросила. Вся поглощена ребёнком.

Браки на небесах совершаются. Они венчаны. Бог судил Коле такую – и прекрасно, Катя и хозяйка хорошая, быстрая, сноровистая во всём, экономная. И ребёнка вот какого замечательного нам произвела! Анята и сама сейчас не нарадуется на Машу, и забыла, что раньше говорила. Прости нас, Милосердый Господи!

А Бубика мне пришлось окрестить Марией – как Катя настаивала. Здесь, в Шапках, и крестил. Чтобы никто не знал. Приехала двоюродная сестра Кати Наталия Евгеньевна со своими детьми Надеждой и Иваном. Горе-то у них какое! Мужа её забрали. Так до сих пор ничего и неизвестно. Спаси его, Господи, во узах сущего!

Да, Надежду мы назначили в крёстные матери. А крёстным отцом – Юрий Аркадьевич, Катин брат. Он приехать тогда не смог. Рвался, но на заводе работы спешной было много. Работа у него ответственная.

А откладывать крещение было нельзя. И то задержались. Пока мне флакончик с миром передали с верной оказией, время ушло. А у нас напасть была. Маше годик, а она не ходит, и на ножки почти не встает. Врача вызвали на дом, профессора, за хорошие деньги. А Бубик смеётся, болтает. С восьми месяцев всё говорит. А если ей надо куда, то на четвереньках. Профессор говорит: «Ваш ребёнок совершенно здоров, но слишком ленив и перекормлен». Катя обиделась.

Короче говоря, как только мы Машу окрестили, она на второй день на ножки-то и встала. Слава Богу!

А говорить она рано начала. Ей было ровно год и пять месяцев, так что она отцу сказала: «Папа, не зови меня “муленький”, это мама зовет “муленький”. А ты зови “дочка”». Николай так и ахнул. И как она такое длинное предложение сказала! И ведь никто не учил. Вот ведь маленький такой ребёнок, а уже понял, что нельзя мужской и женский род путать. Не положено. Катя её постоянно зовет: «Бубик мой! Маленький, миленький!» А Маша: «Нет. Зови дочка».

Очень умная девочка. Да и что ж, что не мальчик, а девочка. Сейчас женщинам везде дорога открыта. Не то, что раньше. Анята в своё время как маялась. Не хотела быть домашней хозяйкой. Ей бы полком командовать. А дома только мы с Николкой. Да ведь и раньше были женщины-учёные. София Ковалевская, например. У Маши будет замечательное будущее. Я уверен.

Хотя, конечно, на всё воля Божия. Пусть оно и предсказание есть, а может и не сбыться. Как Бог даст. Вот Николай, выдающийся учёный. А ходу ему нет. Конечно, он – беспартийный. Да ещё социальное происхождение. Во всех анкетах «отец – служитель культа». Слово-то, какое. Не могут написать «священник, протоиерей». Какой такой «культ». Вот Николаю и нет дороги с таким отцом. Из Университета киевского его, тогда студента, выгнали за это, но профессора вступились И.И. Шмальгаузен, Н.М. Воскресенский, добились, что он закончил Университет. Многие из-за этого от родителей отрекаются. Но Николай никогда на это не пойдёт. Бог даст, вместе все и проживём.

Косма Павлович залюбовался на сына, о чём-то шепчущегося с кудрявой дочуркой, сидевшей у него на коленях.

«Сегодня воскресенье. Николай приехал из города. Теперь он её с рук не спустит», – отметил дедушка.

Из дома вышла худенькая, гладко на пробор причёсанная, с огромными карими глазами, похожая на цыганку женщина с фотоаппаратом. Видимо, она тоже залюбовалась на отца с дочкой и захотела их «щёлкнуть»:

– Нет-нет, пожалуйста, как было. Смотри в профиль, – сказала Катя, – увидев, что муж поворачивается к ней. Она считала, что в профиль он фотогеничнее.

«Фотоаппарат – это их любимая игрушка. Все фотографируются. Николай ночами сидит, проявляет, печатает», – подумал Косма Павлович.

В этот тёплый летний день Николай был почти совершенно счастлив. В Шапках всё тихо, мирно, уютно. Все здоровы. И Катя, и бабушка одобрили все, что он привёз, и не забыл ничего. Что ещё нужно человеку, если есть такая дружная семья, и растёт такая чудесная дочка! За сегодняшний день можно спокойно отдохнуть. Он очень устал.

После того, как родилась Маша, расходы семьи непомерно возросли. И домработниц нанимали, и няню – чтобы только гуляла, или только, чтобы сидела с Машей. И лучшие врачи. И лучшие продукты для ребёнка. И это строительство в Шапках. На всё нужны деньги. Кроме основной нагрузки на кафедре и по Учёному совету Института, сколько он набрал дополнительно. И по совместительству. И по договорам. И учебники, и хрестоматию выпус-

кали. Сколько рефератов в «Реферативный журнал» послано. Катя очень помогала, особенно с изготовлением коллекций учебных микроскопических препаратов. Конечно, под его руководством! И в Киев, и в Харьков посылали. Теперь у Николая этот учебный кинофильм. Всё содержание, весь текст пришлось ему составлять. И так срочно. Договор уже подписан. За фильм должны хорошо заплатить. Сегодня можно отдохнуть.

В это время на участке показался сосед Виноградов. Он быстрыми шагами подошёл к Петровским:

– Вы слышали? Приехавшие двенадцатичасовым поездом из Ленинграда говорят, что объявлена война!

– Нет, первый раз слышим. Коля приехал вчера вечером последним поездом, – сказала окаменевшая Катя.

– Не может быть, – произнёс Николай. – Это, наверное, учебная тревога.

Косма Павлович встал. – Пойду к Ивановым – узнаю.

– Ладно, а я схожу к Тарасовым, – добавил Николай.

Когда все собрались к обеду, ни у кого не было сомнений, что действительно объявлена война. Это подтверждали все приезжающие из Ленинграда.

– Я так и знала, что, если у меня будет ребёнок, то начнется война. То была финская, а теперь с Германией, – обречёно сказала Екатерина Аркадьевна

– А ваша сестра Елена Аркадьевна, когда у неё родился Сергей, вообще заявила, что этот ребёнок долго не проживёт. Разве можно связывать с детьми такие страшные вещи! – парировала Анна Максимилиановна.

– Странно, ведь он родился на Пасху. В 1936 году в воскресенье 11 апреля была Пасха, и родился Сергей, – сказала Катя.

– Как жаль, что здесь ни у кого нет радиоприёмника, – заметил Николай Кузьмич, желая переменить тему разговора.

– А зачем он нам? – возразила Анна Максимилиановна. – И так всё ясно. Нас здесь война не затронет. Немцы далеко не продвинулись. Их остановят на западных территориях. К Новому году всё кончится.

– Откуда ты знаешь? – взорвался Николай. Безмятежное спокойное состояние, в котором он пребывал с утра, сменилось, с известием о войне, бешеной тревогой. – Когда оно кончится?! Ещё только началось!

– Ты, безусловно, попадаешь в сложные обстоятельства, согласилась Анна Максимилиановна. – Ты служишь и должен находиться в городе в своём институте. В армию тебя, конечно, не призвуют, у тебя будет броня. Но очень неприятно, что ты не можешь остаться здесь с нами.

– Избави нас, Господи, от огня, меча, землетрясения, потопа, от нашествия иноплеменников, – всплыли у Космы Павловича знакомые слова молитвы. И сколько их было на его памяти. Физических потопов и землетрясений, пожалуй, не случилось. А политических! В гражданскую войну Киев 18 раз переходил из рук в руки, каждый раз обогранные кровью. Господи, помилуй нас и сохрани нас Твоею благодатью!

– Юра говорил, что у немцев прекрасно вооружённая армия, а наша как раз находится в стадии перевооружения, – вспомнила Катя разговоры с братом.

– Неужели вы хотите сказать, что немцы могут нас победить? Как Юрий Аркадьевич мог такое сказать? Откуда у него такие сведения? – спросила Анна Максимилиановна.

– Юра такого не говорил. Он просто рассказывал, что у немцев всё новейшее, а у нас устаревшее, и что идёт перевооружение нашей армии, – пояснила Катя.

– Как бы ни сложилась война. В Шапках немцев не будет. Ведь не зря мы взяли участок здесь, по Московскому направлению. Сюда-то немцев ни в коем случае не допустят. Ленинград никак не может быть отрезан от Москвы, – продолжала Анна Максимилиановна. – А в случае чего, здесь нас никто не тронет. Надо свести всё ценное сюда, устроить тайничок и отсидеться.

Двое стариков и женщина с ребёнком. Кому мы нужны. В крайнем случае, Коля может сюда добраться из Ленинграда и пешком.

Все понимали, что это в случае падения большевистского режима под натиском немцев. Но никто не смел произнести такое вслух.

Маша начала вертеться на своём высоком стульчике. На неё не обратили внимания. Маша опрокинула тарелку вермишелевого супа и расплакалась. Катя вскочила убирать и вытирать. Косма Павлович взял Машу на руки.

Жуткая тревога не отступала от Николая. Как это он должен будет жить один в Ленинграде, а они все здесь! Мало ли что может случиться! И с маленьким Бубиком – только не догляди! И с Катей – она так красива! И старички его родненькие! И он не может уже никого обеспечить, вернуть этой мирной жизни, где только-только всё налаживалось.

– Хиба ж воно решено войну здэсь сидэти, то трэба трошки о провианте подумать. Магазинов-то нэ будэ. Хтож це будэ нас питати? – произнёс с нарочитым украинским акцентом молчавший до сих пор Косма Павлович. Он всегда говорил так, когда шутил. Все поняли, что он не шутит, а говорит дело. – Может ту хрядочку, што под цвиточки роскопалы, картофелем засадить, если вы, Катя, нэ возражаєте? Картофель ще успеє врасти, щэ не поздно.

Мужчины пошли сажать картофель. Женщины принялись мыть посуду, переодевать Машу и готовить ужин. Зашёл сосед. Он собирается уже ехать в город. Надо ехать и Николаю. Поехали вместе.

1.03. В Киеве на Владимирской

Хорошо летом в Киеве на обрывах Днепра. – Елена Аркадьевна сидит на солнышке. Рядом с нею Серёженька, белокурый мальчик лет пяти в трусиках и панамке. Рассматривает каких-то жучков. Тут же пасётся большая белая с рыжими пятнами корова.

«Я с нею как в тисках, не уехать никуда ни на день. Не даёт никому, кроме меня, молока. А без молока мы не проживём. Муж зарабатывает мало. Всё наше хозяйство – на молоке, и самим надо, и из соседних домов берут. Деньжата не лишние. Благо, что дом свой. Сараи во дворе. Всё приспособлено удобно.

Серёженька у меня за эту зиму вытянулся как картошка в погребе, бледный, тощий. Только теперь поправился. Вся одежонка ему мала. А шью я плохо. Ой, время-время, где тебя взять?! У меня у самой этот сарафан совсем разлезся по всем швам. Спасибо Кате – прислала хорошенький ситчик. Чудный выйдет сарафанчик. Ещё она прислала валенки Серёженьке. Они немного велики, но это к лучшему: на следующую зиму будут впору.

Так хотелось, чтобы Катя приехала с Машей к нам в Киев, отдохнула бы от кухни, от своего примуса. И никак не получается. Так я Машу и не видела, а ей скоро уже три года.

Сегодня воскресенье, а я одна. Сергея – старшего (её мужа Сергея Максевича Зиболта) опять заставили дежурить на электростанции.»

Когда к вечеру Елена Аркадьевна, гоня корову, возвращалась с сыном в свой одноэтажный² домик на Владимирской (ул. Короленко, № 7), она узнала, что объявлена война.

² Домик существовал до середины 1950-х годов, но Петровские не осмеливались заявить на него права. Позднее там выстроен многоэтажный дом.

19 июля 1941 года Петровские получили от Лёли письмо со штампом «проверенно цензурой», написанное в расчёте на эту цензуру. Шло оно почти три недели. Вот оно:

«Пришла беда – отворяй ворота.

Конечному нас, киевлян, нет никаких сомнений в том, что наша доблестная Красная Армия не допустит врага ни к Киеву, ни к Ленинграду. Но озверелый фашист – долго ли ему? – может и поджечь, и разгромить с воздуха наши дома...

Вчера я видела подбитый нашими зенитками вражеский самолёт, падавший в Днепр. Ему не удалось сбросить бомбы на телеграф. И вообще все налёты врага на Киев отбиты, и ни один немецкий самолёт не вернулся на свою базу... Не мне сообщать тебе о наших успехах...

У меня две беды.

Заболел сынишка скарлатиной. Сегодня третий день. Температура 40. Порой заговаривается. Пущены все связи в ход, чтобы его не забрали от меня в больницу. И это в такой момент! Куда деваться с ним во время бомбёжки?

Вторая беда. Пришли в 5 утра. Сказали Сергею – старшему: «Берите подушку и одеяло и следуйте за нами». Ия не знаю, куда его взяли.

Говорят, что так сейчас многих берут на строительство оборонительных рубежей.

Хотелось Сел получить от вас весточку, пока это ещё возможно.

Где Кузьмич?

Тел, конечно, в Шапках. Я думаю, что это довольно безопасное место. Как маленькая Маша?

Увидишь Юрку – целуй его от меня.

Тебя крепко целую и люблю, милей Котик.

Так подкатывает к горлу, что не могу больше писать.

Как это страшно-страшно. Одна с больным ребёнком.

Рокочут самолёты весь день.

Лёля.»

Это письмо было последним. Через несколько дней в Киев вступили немцы.

Глава 2. Повестки

2.01. Повестки Николаю

Первые дни войны Николай Кузьмич жил, как и раньше, в своей квартире на Мошковом переулке и ходил на службу в педагогический институт им. Герцена на Мойке.

Тяжело было проходить через мост около Капеллы и видеть человеческое горе. Там был устроен призывной пункт Толпы людей. Жёны и матери пришли проводить своих близких. Стоят вереницы грузовиков. На них призванные уезжают в свои части.

Пришла повестка и Николаю Петровскому: явиться к 12 часам на следующий день.

Первое, что он подумал:

– Ещё можно съездить в Шапки, к своим – проститься.

Он успел на последний поезд. Увидев его, Катя сразу всё поняла. На всю жизнь запомнил он эти несколько часов, проведённые с Катей до первого утреннего поезда. Сколько раз прежде он бывал в унынии от её холодности. А тут она была сама нежность. Столько внимания, ласки увидел он в эту ночь. Он не поверил, что это любовь. Это была боязнь за человека, который всё же близок, который составляет её семью, которого Бубик называет «папа, паськин и даже пуська». Это была тревога за их будущее. Но он был ей благодарен.

Когда на рассвете Николай встал, Анна Максимилиановна уже ждала его с готовым завтраком. Видно, не спала всю ночь. Прощаясь с отцом, Николай старался быть сдержанным, но у Космы Павловича навернулись слёзы. Николай с Катей уехали в город. Анна Максимилиановна проводила их до платформы.

Юрий Аркадьевич вырвался с завода и пришёл к 12 часам на призывной пункт, чтобы поддержать их.

Николай сдал паспорт, повестку, военный билет. Его не задержали. Он числился – как человек с научной степенью и званием, но не обучавшийся военному делу – «начальствующий состав, 24 категория, преподаватель военных учебных заведений и военных академий, интендант 2-го ранга»:

– Таких, как вы, мы пока не призываем.

В тот день тревоги окончились. На обратном пути все трое зашли в кафе-американку, выпили кофе с пирожными.

Потом Николай не раз получал повестки. Однажды он шёл в военкомат, опаздывая. Навстречу ему – доцент их Института Владиславлев. Идёт с коробкой конфет. Сияющий Вла-

диславлев нёс её домой: «не взяли». Николай Кузьмич пришёл в тот день в военкомат вместо 9 часов утра к 12. И ему спокойно сказали:

– Вы опоздали. Комплект в школу административно-хозяйственного состава уже набран. Вы свободны.

На всякий случай Николай приготовил рюкзак с полотенцем, мылом, носками, бельём, бритвенными принадлежностями и другими вещами.

– Пусть лежит. Если будут отправлять, сразу можно взять и не забыть чего-нибудь нужного.

Но этот «случай» прошёл мимо Петровского. В 1941 году ему уже исполнилось 40 лет.

Юрий Аркадьевич получил повестку ровно в тот день, когда окончился срок его брони. Это было воскресенье, и он не мог пойти на завод – продлить бронь. Вот такая неприятность.

2.02. Юрина бронь

Оказывается, он числится артиллеристом, командиром запаса. Теперь ему предписывается в тот же день отбыть в Белосток в зенитную батарею.

Юрий Аркадьевич позвонил Николаю. Тот сразу же приехал к нему на Васильевский. Они вместе сложили всё необходимое в чемодан и поехали на Витебский вокзал.

Толпы призывников, отъезжающих в армию. Взять билет и сесть в поезд нет никакой возможности. Военный комендант вокзала, охрипший и одуревший, говорит, что сегодня могут уехать только лица высшего командного состава. Все остальные поедут завтра.

– Так вы распишитесь, поставьте штамп на повестке, что я явился.

– Никаких штампов и отметок я никому ставить не буду. Завтра поедете.

– Этак и под трибунал с ним попадёшь за дезертирство. Я лучше поеду без билета. Воткнушь как-нибудь на подножку и поеду. Так спокойнее.

– Нет, Юра, не делайте этой глупости. Это сама судьба. Все знают, что поезда переполнены и обвешаны снаружи. Ничего вам не будет. Завтра вы с самого утра поедете на завод и всё оформите. Сейчас ехать в Белосток при таких условиях абсурдно.

– Вы, конечно, правы, но я боюсь, как бы не было неприятностей.

– Ничего не будет. Ведь если что, то завтра вы и поедете.

С неохотой, но всё же Юрий Аркадьевич согласился.

На следующий день в понедельник Николай Кузьмич сидел в своём кабинете в учебной части Института. Он перебирал дела диссертантов. Директор распорядился уничтожить – сжечь – все списки и документы.

Весь город жжёт архивы и дела. Тучи жжёной бумаги как дождь сыплются с неба и устилают тротуары и мостовые.

А у Николая Кузьмича всё в таком идеальном порядке. Всё подшито, пронумеровано. У него ни одна бумажка не пропадёт. Любую справку можно навести моментально. Недаром его так ценят как учёного секретаря. Прежде всего, нужны аккуратность и любовь к делу. А в каком виде он принял все это пять лет назад. Была полная неразбериха. А сейчас – приятно посмотреть.

– Да. И вот приходится сжигать. Тут печку топить несколько дней.

Почему-то Николаю было нисколько не жаль ни бумаг, ни своего труда. Сказано – сжечь, пускай горит.

Он ждал телефонного звонка. Он вскакивал каждый раз, когда звонил телефон, но это было всё не то. Неужели он не позвонит?!

Юрий Аркадьевич обещал позвонить в любом случае, во что бы то ни стало.

Николаю легче было допустить мысль, что в армию возьмут его самого, чем то, что Копочка (так детским именем звала обожаемого брата Катя) уедет в эту зенитную батарею под Белосток. Там же такой котёл. Это же верная смерть. Неужели ему не продлили бронь!?

Наконец, раздался долгожданный звонок. Очень весёлым голосом Юрий Аркадьевич сообщил, что всё устроилось. Договорились, что сразу после работы Николай Кузьмич отправится к ним на Васильевский.

Вот, что рассказал Юрий Аркадьевич.

«Начальник отдела “найма и увольнения”, а, кроме того, и начальник “спецчасти” на нашем заводе, товарищ НН – орденосец, всем известный герой гражданской войны. Он, не задумываясь, поехал со мной прямо в военкомат:

– Нужно освободить товарища Болдырева!

– Нельзя! В переживаемое страной время ходатайства от учреждений способствуют уклонению, – начал плести ему в ответ начальник мобилизационного отдела, военный чиновник с двумя “кубиками”³.

– Какие-то два кубика будут меня, комбрига, обвинять в уклонении!

– “Спецчасть” идёт прямо в кабинет к военному комиссару, показывая своё удостоверение, представляет меня и начинает объяснять, что я занимаюсь такими-то оборонными вопросами по распоряжению Самого ГлавКомВерха, и за то, что мне вовремя не продлили бронь на исполнителей уже наложено взыскание.

Военком – это же “шпалы”, как ты понимаешь, относится ко всему изложенному с полным пониманием. С распоряжениями ГлавКомВерха никто шутить не хочет. Но комиссар, как ребёнок, заморожен и самой разговаривающей легендарной, вставшей из гражданской войны, личностью.

На заявлении завода № 211 появляется резолюция комиссара: “Тов. Болдырева освободить, вернуть паспорт, в часть послать замену”.

С этой резолюцией мы возвращаемся к начальнику мобилизационного отдела. “Два кубика” не верят своим глазам:

– Как? Освободить... Подпись военкома. Не может быть!

Теперь мы все трое идём к военкому. “Кубики” говорят:

– Тут, тут не ясно в резолюции. Как освободить?

Такого при комбриге “шпалы” не выдерживают:

– В резолюции написано всё ясно: “Освободить! Послать замену!” А вы... учитесь понима-Ать! И исполня-Ять!!!

Так я получил обратно свой паспорт. Есть бронь. В Белосток ехать не надо. Здесь поработаем», – закончил свой рассказ Юрий Аркадьевич.

Перемигиваясь и давясь от смеха, они с Николаем смакуют инцидент в военкомате и распаковывают сложенный накануне чемодан. Женя сияет.

Как будет торжествовать Катя, когда узнает, что судьба отвела от брата такую угрозу, – подумал Николай Кузьмич.

---

³ В то время знаки различия, форма, названия армейских чинов были не такими, как сейчас. Современные чины, погоны и знаки различия ввели в середине войны 1941-45 годов.

Женина мама Ольга Александровна накрывала овальный стол в Жениной комнате к вечернему чаю. Ольга Александровна, интеллигентная дама, вдова зубного врача, скончавшегося ещё до революции, олицетворяла в семье старый трудовой Петербург.

«Как у Юры элегантно, – подумал Николай Кузьмич. – Ничего лишнего, а что есть – один стиль. Огромный красного дерева времён Александра Первого письменный стол, книжный шкаф тоже красного дерева, тахта с ковром. Над тахтой охотничьи ружья⁴ Юрия Аркадьевича. На окнах Женя почему-то никогда не вешает никаких занавесок. Им хорошо, четвёртый этаж, окна выходят в сквер, домов близко нет. Только купола Воскресенской церкви.»

– Покажи, покажи свои марки Николаю Кузьмичу, – подталкивает своего сына Володю Тамара Иосифовна, сестра Евгении Иосифовны. Володя застенчивый юноша лет пятнадцати, талантливый рисовальщик. Марки он стал собирать недавно, а Николай Кузьмич старый заядлый коллекционер.

В отличие от своей сестры Жени, Тамара Иосифовна ничем не походит на мать. Маленького роста, полная, она всегда, даже дома ходит на очень высоких каблуках в узких коротких юбках. Она высвечивает волосы перекисью водорода, стрижётся и делает шестимесячную электрозавивку мелкими кудряшками. Очень ярко крашивает губы. Ничего этого ни Женя, ни Катя себе никогда не позволяли. Они старались выглядеть как можно более естественно.

---

⁴ Вскоре всё оружие, в том числе и старинные кремнёвые ружья, были отобраны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.